

Время волков

Автор:

Николай Ярыгин

Время волков

Николай Михайлович Ярыгин

Попаданец (АСТ) #129 Честь имею #3

Не получается у Алекса тан эль Зорго жить спокойно. Понесло его в экспедицию по поиску архипелага, с которого пришли предки его жены. А тут еще богине помощь понадобилась, и ведь не откажешь. А враг странный, даже страшный и непонятный. Да и богиня что-то темнит. Ох, не все чисто в этой истории.

Николай Ярыгин

Время волков

Посвящаю моей дочери, Быковой Оксане, милой женщине и прекрасному человеку

Серия «Попаданец»

Выпуск 129

© Николай Ярыгин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Шторм налетел внезапно, правда, кое-какие паруса успели убрать, но это мало чем помогло. Ураган бросал корабль как щепку. С большим трудом рулевой и пришедший ему на помощь боцман развернули корабль носом к ветру. Кавьята скрипела всем корпусом, взбираясь на волну, а потом падала вниз, так что желудок у меня подкатывал к горлу. Огромные массы воды перекатывались через палубу, сбивая с ног, хорошо, что успел привязаться, помогая матросам закрывать люки. В каюте сидеть было страшно.

«Пойдем ко дну, выбраться не успею», – думал я. Тарги жались по углам, но за мной на палубу не пошли. Зачем я их с собой взял, Алого и его сына, Балугу? Жалко, если погибнут, а вот за себя почему-то страшно не было. Уже на выходе из каюты оглянулся и начал давать указания:

– Алый, смотри, в случае чего выбиваешь окно и пытаешься спастись, если попадется что-то деревянное, цепляешься, а дальше по обстоятельствам.

Алый толкнул меня лбом живот, словно говоря, что все понял. Плавают тарги хорошо, только не любят, как и все кошачьи, это дело. Я выскочил на палубу, и меня сразу же окатило волной. Сплюнув попавшую в рот морскую воду, кинулся помогать матросам задраивать люки, сапоги скользили, не помогало даже то, что они были подшиты акульей кожей.

– Капитан, – заорал кто-то, – в трюме стала прибывать вода.

С грохотом орудийного выстрела лопнула и упала мачта, одна из трех, и осталась висеть, запутавшись в такелаже. Очередная волна повалила кавьяту набок. Меня сбilo с ног и поволокло к борту... Удар головой о борт был такой силы, что из глаз полетели тысячи звездочек, и наступила тьма.

Глава первая

Сколько я провалялся – не знаю, пришел в себя от птичьего щебетания. Что удивительно, голова не болела, и, даже ощупав ее, я не нашел никаких повреждений – ни шишек, ни ран, ни ссадин. Вокруг меня зеленела трава и ярко светило солнце. Приподнявшись, я уставился на расстилающийся передо мной вполне себе такой лубочный пейзаж. Трава ярко-изумрудного цвета, порхающие над ней бабочки, невдалеке, на небольшом пригорке, виднелась роща – с бегущим ручьем, теряющимся вдаль. За рощицей наблюдались зеленые холмы, кое-где поросшие деревьями. В общем, радующая глаз пасторальная картинка, не хватает только пастушка и пасущихся овец. Я еще раз огляделся вокруг, пару раз моргнул, но ничего не изменилось, тишина, нарушаемая птичьими трелями, яркая зелень и ласковое летнее тепло, при этом ничто не напоминало море и не говорило о его близости.

Вот спрашивается, чего мне не сиделось дома, в более или менее налаженном быте, рядом с супругой и в окружении детей. Так нет же, приключения подавай, вот они и нашлись на мою голову, хоть сейчас она и не болела, но воспоминания были неприятные.

А сейчас немного подробнее обо всем предшествующем. Я, Александр Николаевич Измestьев, погиб в своем мире, попав под машину пьяного мажора, но судьба предоставила мне второй шанс. И перенесла меня в этот мир, в тело Алекса тан эль Зорго, второго сына великого герцога, правителя Кентийского государства. Закружила в огромном количестве приключений и всевозможных событий. В результате я заполучил в друзья трех таргов, самых сильных зверей континента, приобрел собственный маркизат и принялся изо всех сил двигать прогресс. Стал кровным побратимом короля Торвала, Даниса тан де Брюлота. Вследствии тех или иных событий даже умудрился жениться на императрице, Алексии тан де Кобург, которая в браке родила мне трех прелестных малышей. А еще ранее маркиза Ильми де Перьен подарила мне сына, правда сама погибла. Сына я признал и забрал с собой, а после бракосочетания с Алексией та его усыновила, и в принципе сейчас его усиленно обучали множеству разных наук. Он не может стать наследником, но вполне справится в дальнейшем и с должностью канцлера и маршала, время покажет. Пятнадцать лет я нахожусь в этом мире, и поверьте, ни дня не провел в праздности, все время что-то делал, изобретал, усовершенствовал.

И я очень устал, да и с Алексией в последнее время произошло некоторое охлаждение отношений, уже нет той страсти, что была раньше. Я не лез в управление империей, иногда мы просто обсуждали с ней то или иное событие или происшествие – и все. Нет, совсем не устранился, подсказывал, опираясь на знания моего прошлого мира, но решение принимала она сама или с канцлером. Заметил, что вокруг нее стали крутиться местные красавцы высокого происхождения. Я не устраивал сцен ревности, не караулил воздыхателей, чтобы намять им бока; короли и императоры должны быть выше этого, да и понимал, что любой женщине нужно подтверждение ее привлекательности и шарма. И взгляд, полный восхищения постороннего мужчины, лишнее тому подтверждение, правда и она не давала повода в чем-то ее обвинять, но душу мне все это царапало. Некоторые местные аристократы до сих пор не смирились с тем, что на троне, пусть и консортом, сидит кентиец. И чтобы не способствовать полному разрыву между нами, а немного как бы встряхнуть наши отношения разлукой, я решил отправиться в эту экспедицию, на поиски земли, откуда пришли на этот континент предки моей супруги. А после возвращения из плавания, после долгой разлуки, смотришь, и чувства вспыхнут с новой силой. Правда, однажды, уже после рождения третьей дочери, Алексия мне сказала:

– Знаешь, милый Алекс, я давно поняла, что богиня дала мне лучшего мужчину этого мира, и что бы ни случилось в дальнейшем, даже если ты станешь нищим и больным и тебе надо будет покинуть империю, я брошу все и уйду с тобой, забрав только наших крошек.

И эти слова мне все время греют душу, наши отношения стали спокойными и взвешенными, но это нисколько не умоляло той любви, что была между нами. Наверное, она просто перешла на другой уровень. Я очень любил наших детей, возился с ними все свободное время, играл, разучивал стишки, рассказывал им разные познавательные истории и притчи, чем очень удивлял няnek, да и всех окружающих, включая Алексию. Не принято здесь так у аристократов, с детьми занимаются няньки, гувернантки и учителя, а родители навещают детей не часто и очень-очень редко дарят им такую вот неприкрытую любовь и нежность. Поэтому мне было очень не просто расставаться с ними, отправляясь в экспедицию.

Поначалу все шло нормально, наша кавьята (что-то типа каравеллы) шустро рассекала волны моря, а может, и океана. Были тут карты и моря, имеющие, правда, массу белых пятен, и прилегающих к ним земель, в основном береговой

линии, но сейчас молодое поколение картографов хотело создать свои карты, причем они были уверены, что те непременно будут лучше прежних. Да и недавний выпуск морских бомбардиров тоже надо было потренировать. Последнее время поступало много жалоб от купцов на нападения пиратов. Что-то сильно они расплодились. Военному флоту, который был создан не очень-то давно, королева дала указание навести порядок на торговых путях и осуществлять их постоянный контроль. Уж очень государству нужна торговля с островами, с которых шли и пряности, и шелка, и каучук. Как выяснилось, там были целые леса деревьев, похожих на гевеи, сок которых после застывания был упруг и шел на изготовление резины.

Хотя предки народов, населяющих почти все королевства, пришли на этот континент из-за моря, но откуда точно – было известно только на словах. Лишь в старых манускриптах сохранились еле понятные намеки, что двигались они все время на заход солнца и что шли до этой земли пару месяцев. До их прихода только кентийцы и степняки жили на этом континенте. Вот такой нонсенс. Пришельцы по прибытии расселились, потом вследствие раздоров поделились на королевства, а через некоторое время решили, что неплохо бы местные народы потеснить да пограбить. Тот период называют Большой войной... В результате Кентия стала герцогством, у степняков погибла половина населения, да и в самих королевствах народу поубавилось на две трети.

После чего все снова притихло, на многие века, и даже эволюция замерла. Еще одна странность: по приходе на континент большинство кораблей было разобрано, почему – в летописях не сохранилось. Оставшиеся целыми корабли не отходили далеко от берега, постепенно хирели и разваливались. Новые строились редко и очень малотоннажные. Все изменилось, когда лежащие вблизи острова постепенно стали заселяться рыбаками и другим народом. И с ними началась интенсивная торговля товарами и продуктами. Империя снова побеспокоилась о кораблях, да и то неохотно. Вот и пойми, почему так происходило.

Но все это в прошлом, сейчас прогресс шагает широко, не сказать что семимильными шагами, но невооруженным взглядом видно изменения. А после того как на островах появились пираты, империя стала строить флот и вооружать его пушками. Прошел уже третий выпуск из местного университета, что является стопроцентно моей заслугой, и молодое поколение механиков и инженеров, картографов и оружейников рьяно взялось за дело.

И вот эта картографическая экспедиция – тоже в какой-то мере следствие прогресса, в которой и я решил поучаствовать. Весь маршрут заносился на карту, которую тут же составляли несколько молодых картографов и капитан судна. Да еще канониры тренировались и иногда стреляли.

Однажды на горизонте появились паруса, через некоторое время можно было рассмотреть два быстроходных барка с плавными обводами корпусов. По всей вероятности, это были пираты – ну что же, вот и для наших бомбардиров будет настоящая боевая тренировка. Наша кавьята была полностью купеческим судном, лишь вместо трюма у нее была устроена еще одна палуба, на которой были размещены каюты. Да вооружена была так, что зубы могла обломать любому. Так как империя никому не продавала пушки и штуцеры, а также секрет изготовления пороха, то являлась единоличным владельцем этого супероружия, для нынешнего времени. У нас было установлено на палубе двадцать две пушки: по десять с каждого борта и две на корме.

Так как мы шли с полным набором парусов, то решили даже убрать пару штук, чтобы преследователям было легче, уж очень они старались нас нагнать. Да, ничего не скажешь, и корабли у них были быстроходные, после обеда мы сблизилась настолько, что можно было и без подзорной трубы рассмотреть людей на палубе. Они что-то радостно кричали и махали руками, наверное, предлагали остановиться и сдаться. Корабли пиратов разделились и начали нас зажимать в клещи, было видно, что рано или поздно они нас зажмут и кинутся на abordаж. Народ на корабле противника в радостном предвкушении махал саблями, висая на вантах и прыгая как обезьяны по шканцам.

Капитан нашей кавьяты был сосредоточен и собран, у пушек уже давно стояли канониры и ждали только команды, борта были достаточно высокие, и проемы для пушек еще были закрыты. Так что никто из пиратов, преследовавших нашу кавьяту, совершенно не подозревал, что их ждет. Наконец капитан выждал момент, когда корабли находились на расстоянии не более пятидесяти метров друг от друга, и скомандовал огонь. Рухнули вниз люки, закрывающие пушечные порты, и через мгновение раздался грохот. Все заволкло белым дымом, но ветерок быстро унес дым в сторону, а за это время пушки успели зарядить и подкатить к бортам. Молодцы канониры, быстро и слаженно работают, это же, можно сказать, элита войск империи: каждый из этих парней будущий командир батареи, офицеры.

Пираты сразу же поняли, что добыча им не по зубам, и попытались сбежать, да не тут-то было, первые залпы были сделаны крупной картечью, которая рвала паруса и такелаж и сметала все с палубы словно метла. Через полчаса мы пошли на abordаж правого корабля, пираты были настолько деморализованы, что почти не сопротивлялись. Трюмы корабля были пусты, наверное, мы были первой их жертвой, которую они не смогли переварить.

Левый все-таки попытался скрыться, еле передвигаясь, он все же удалялся. Мы не собирались никого отпускать без наказания, поэтому, догнав, взяли и этого на abordаж. Тот сопротивлялся сильнее, или народу уцелело больше, или команда решила – если уж умирать, то надо как можно больше врагов захватить с собой. Но как бы пираты ни сопротивлялись, конец был один. Этот пират и пострадал меньше, и добыча у него была не в пример первому. В трюме нашли и мешки с пряностями, и рулоны шелка, и даже два десятка людей, матросов с захваченного корабля. Здесь же был капитан и почему-то барон со своей семьей. Как выяснилось, барон получил новую должность, на континенте. Прихватив семью, он поспешил к новому месту службы. Вот и попал в плен вместе с семьей. Был и купец, но он, к сожалению, погиб при захвате судна, остался лишь его товар. Выбросив тела пиратов за борт, мы собрались на совещание с целью решить, что делать с пленными. Брать их с собой не имело смысла. Посовещавшись, решили подлатать пиратский корабль и, добавив своих людей, а также сняв с кормы пушки и установив их на пирата, отправить корабль и пленных в империю. Пусть идут вдоль берега, и в случае чего, думаю, даже эти пару пушек смогут отпугнуть тех, кто попытается напасть, надеясь на добычу. Через несколько дней, распрощавшись с уходящими в империю спасенными нами людьми и несколькими нашими, мы продолжили путь.

И вот уже целый месяц мы шли неведомо куда, вернее туда, где должна быть земля, из которой и пришли предки моей супруги, все время на восход. Два раза высаживались на попадающиеся в пути острова, заносили их на карты, а также, к счастью, на них были источники воды, которой мы запасались и отправлялись дальше. Потом нас настиг ужасный шторм. Помню, что меня ударило головой о борт судна, так что посыпались искры из глаз, потом темнота, и вот я здесь.

Может, это новый континент, или большой остров, или новая планета, не знаю. А может, это снова происки богини, что, скорей всего, так и есть. Конечно, я ей должен и сам это понимаю, а долги надо отдавать. Так ничего и не решив, я подхватил рюкзак, стоящий у моих ног, который заметил только сейчас; первое, на что обратил внимание, это был небольшой арбалет, прикрепленный к

рюкзаку, и сумка с болтами, а также мой меч, который оставался в каюте. Что натолкали в рюкзак, еще не знаю, но он был тяжелый, зараза. Взвалив его на плечо, отправился к небольшой роще. Надо обдумать положение, в которое я попал, немного прийти в себя от сюрпризов судьбы и перекусить. Что-то же здесь лежит, потряс я мешком, и в нем что-то звякнуло. Ладно, решил, посмотрю, когда расположусь на стоянке.

Глава вторая

Определившись с расположением своего бивуака, я начал разжигать костер и устраивать место для ночлега. Когда костер разгорелся, принялся обследовать, что находится у меня в мешке. Содержание его, надо сказать, меня обрадовало, помимо лука, стрел, зажигалки, что лежала у меня в кармане, были еще огниво, котелок, немного крупы и соли, высушенные полоски мяса и кусок сыра. Котелок, миска, кружка и ложка, мешочек с травами для заваривания напитка. Кинжал, плащ и теплый свитер, фляга и кольчуга двойного плетения, вот она, кстати, и составляла основной вес рюкзака. Да еще кошель с золотыми и серебряными монетами, второй кошель, с медяками, висел у меня на ремне. Интересно, кто это все собрал, да еще и вовремя подсунул. Да еще и меч, хотя помню, что в момент шторма меч лежал в каюте. Кроме того, в сидоре был еще монокуляр, которому я очень обрадовался.

А вот ничего из огнестрела не было, жалко, конечно. Уже больше года у штурмовиков империи имелись револьверы, естественно, не такие, как в моем прошлом мире, но тоже неплохие. Правда, снаряжал их каждый, кто имел, индивидуально, отмеряя порох и затрамбовывая пулю при помощи специального механизма. Но это уже было неважно, с пятнадцати шагов они пробивали любую броню, даже снаряжение тяжелого кавалериста. Так что, думаю, револьвер мне бы пригодился.

Я разжег костер, заварил немного травяного отвара, мешочек с которым нашел в сидоре, и, достав лепешку, немного ее погрыз, решив этим и ограничиться. Прихлебывая горячий напиток, задумался: интересно, что там стало с кораблем и командой, жаль, если погибли. А еще я волновало, что там ждет меня впереди, что приготовила судьба, вместе с Зеей-плодоносицей, местной богиней. Так ничего и не надумав, заснул, укрывшись плащом.

Среди ночи мне приснилась моя бывшая жена, нет, не эта нынешняя, а та, что была на Земле. Вид у нее был горестный и поникший, в глазах блестели едва сдерживаемые слезы. Присев возле меня, она немного посидела молча.

- Саша, я попрошу тебя о помощи, мне просто не на кого положиться, можно было бы устроить большую войну. Но это не рационально, погибнет много молодых парней, а этот мир и так мало населен. Да, к несчастью, я постепенно теряю контроль над этим континентом. Но тебе придется потрудиться - самому пройти и собственными глазами увидеть все то, что здесь происходит. А с чего это началось, я расскажу тебе после. Если же не вдаваться в подробности, то этот мир хотят у меня отторгнуть, довольно сильная и очень злобная сила. Но тебя одного я смогу прикрыть и даже немного помочь, на это моих сил хватит.

- Что же я смогу один сделать, - удивился я.

- Не переживай, в свое время ты не будешь один, сейчас же просто наблюдай и запоминай. Ладно, не буду тебе мешать - отдыхай.

С этими словами ее образ помутнел и стал растворяться, через мгновение я уже спал крепким сном.

Утром сварил кашу, позавтракал, запил это все разогретым отваром и, немного обдумав свой сон, собрался в дорогу. И тут я заметил, что вместо моего перстня кентийского принца на пальце у меня перстень простого баронета. Порывшись в уже собранном рюкзаке, я обнаружил кожаный тубус, а в нем документы баронета на мое имя. Обдумал изменения и принял все как данность, ну что же, значит, так надо, надо идти. Правда, куда идти - не знал, но подумал, что, куда бы ни пошел, подправят. Решил идти в сторону холмов, а там уже, осмотрев окрестности, выбрать направление.

Шагалось легко, солнце грело, но не жарило, и пусть груз за плечами был немаленький, но пот не стекал с меня ручьями. Изредка я останавливался, чтобы хлебнуть воды из фляги и осмотреть через монокуляр округу. Так и не найдя следов деятельности человека, к вечеру я достиг холмов и принялся готовить пищу и ночлег, за день, конечно, устал. Дорогой мне ничего не мешало обдумать свое положение, раздражало только, что меня вот так вот просто решили и перекинули куда захотели. Конечно, я понимал, что она все-таки подарила мне вторую жизнь, и жизнь эта была интересна, пусть временами и опасна, тем не

менее вот не давало мне покоя раздражение.

Уже перед самыми холмами, которые тянулись цепочкой с востока на запад, или наоборот, наткнулся я на семейство диких свиней. И получилось даже подстрелить небольшую свинку; та, получив стрелу, завизжала и завертелась на месте, остальные кинулись бежать. Ужин у меня обещал быть с мясом...

Прихватив тушу за заднюю ногу, потащил с собой. Выбрав место среди небольшой группы деревьев, для отдыха и ночлега, принялся разделывать трофей. Плотно поужинав и зажарив несколько кусков мяса в дорогу, принялся, как и вчера, пить травяной отвар с медом, небольшой кувшинчик которого тоже был в моем рюкзаке.

Устав сильно за насыщенный день, я долго не мог заснуть, лежал, разглядывая звездное небо, вспоминал детей и Алексею. Сыну уже почти четырнадцать, Софии десять, Патриции семь и самой маленькой, общей любимице Ангелине, только три. Имена подбирали так, чтобы что-то похожее было и в этом мире. Я выдавал их за старинные кентийские имена и даже перевод подбирал, чтобы действительно подходил. Как они там, мои родные, с теплотой думал я, перебирая воспоминания, и не заметил, как уснул.

На следующий день, где-то в обед, я наконец выполз на вершину одного из холмов. Весь обратный склон и дальше на несколько километров был покрыт лесом. Только вот каким-то странным лесом, серым, а не зеленым. По его кромке, на расстоянии метров пятьсот друг от друга, стояли еще какие-то деревянные столбы, словно невидимая ограда; так как стояли они лицом к лесу, то было не разобрать, что на них изображено.

Вся растительность, находившаяся с противоположной стороны холмов, имела разительное отличие друг от друга. Если одна сторона имела насыщенный изумрудный цвет, то другая отливала каким-то серым цветом, словно все растения были покрыты пылью. Оглянувшись назад, я видел порхающих над травой бабочек, мелькающих над деревьями небольших птиц, с другой же стороны ничего такого я пока не заметил. Цепочка холмов тянулась от меня в обе стороны, и конца-края им я не видел, как ни вглядывался, а вот прямо перед собой, почти на горизонте, на грани видимости, я заметил что-то напоминающее населенный пункт. Что это было – не разобрать, но я решил двигаться в этом направлении.

Спустившись почти к самой кромке начинающегося леса, я решил устроить привал, заодно и определить, как это серое окружение будет на меня действовать. По пути взглянул на деревянный столб, фу... ну и рожа! На стороне, обращенной к лесу, была изображена морда какого-то мерзкого чудовища, вызывавшая оторопь и отвращение. До вершины было совсем ничего, метров семьдесят, в случае чего можно быстро ретироваться, если мне не понравятся ощущения.

* * *

– Позовите ко мне наследника, – прохрипел тучный, обрюзгший мужчина с заплывшими глазами и обвисшими щеками, с нездоровым цветом лица. Когда-то он был огромным и сильным, наводившим страх на недругов и своих врагов. Но теперь он больше напоминал старую развалину, от былой мощи остались только воспоминания, и подкосило его не время, а пристрастие к серенькой пыльце, которое привили ему монахи новой религии, появившиеся не очень давно. После ее вдыхания отступали прочь неприятности, страхи и любая боль. Но эта пыльца таила в себе не только столь приятные ощущения, после нескольких приемов наступало быстрое привыкание. И человек уже не мыслил своего существования без порции этого порошка. А потом начинал разрушаться организм, и мозг человека начинал жить в своем собственном мире, лишь иногда, на очень короткий срок, возвращаясь в действительность. Поначалу король принимал ее втайне, прячась от всех, но по мере того, как страсть к пыльце захватывала его, перестал обращать внимание на окружающих.

– Ваше величество, принц еще не вернулся с охоты, – проговорил, кланяясь, монах в пурпурном балахоне.

– Хорошо, как только вернется, дайте ему знать, что я желаю его видеть, – задумчиво проговорил монарх. Это действие продолжалось уже второй месяц, после ночного сна король всегда распорядился позвать принца и всегда получал один и тот же ответ. Потом он вдыхал новую порцию порошка и выпадал в прострацию до следующего утра. К утру он уже не помнил, что вчера также хотел встретиться с сыном и что ему отвечали, что тот не вернулся с охоты.

А наследник пропал, неизвестно, куда он делся, просто однажды его не нашли в принадлежащих ему покоях. Характер у парня был не мед, но что отличало его от отца, принц, как и королева, не принял новую религию. Королевский двор

тоже разделился: одни поддержали короля, другие – королеву, а принцу было всего семь лет, и его вообще никто ни о чем не спрашивал. В течение года королева умерла, молодая красивая женщина вот так на ровном месте раз – и умерла. Король погоревал какое-то время, а потом завел себе несколько фавориток. Принц видел, как странно ушла из жизни мать, которую он очень любил. Он помнил ее последние слова, которые она сказала, прежде чем уйти на перерождение.

– Сынок, береги себя, не верь никому, особенно последователям Урху, вот и моя болезнь... – она замолчала, а потом продолжила: – Думаю, без них не обошлось. На короля надежды мало, твой отец попал под их влияние, и вырвать его от них уже не получится.

На следующее утро ее не стало, мальчишка, не стесняясь окружающих, плакал. Наверное, даже своим умом ребенка он понимал, что потерял самого близкого и родного человека.

А потом долгие годы он пытался уйти от навязчивого внимания верховного жреца. И с каждым годом становился все более злым, раздражительным, постоянно таящимся от всех, презирая всех последователей нового бога.

После того как король вдохнул пыльцу и, запив ее вином, отправился на завтрак, глядя перед собой остекленевшим взглядом, монах поспешил в другое крыло дворца, где располагался орден слуг Урху, чтобы доложить о состоянии короля. Все как всегда – ежедневный доклад и получение новых указаний.

* * *

Ночь прошла спокойно, я неплохо выспался, ничто меня не тревожило, и я перестал беспокоиться по поводу странной окраски растений. Быстро перекусив холодным мясом свинки, сложив рюкзак, я отправился по направлению к увиденному мной на горизонте поселку.

Поначалу все складывалось неплохо, только и того, что было пугающе тихо в этом лесу. Ни щебетания птиц, ни мелькания мелких животных, ничего, словно все вокруг вымерло. Но чем дальше я углублялся в лес, тем сложнее было по нему передвигаться. Деревья росли гуще, кроме того, было много валежника,

кустов и поваленных деревьев, довольно высокая трава скрывала все это. И я постоянно спотыкался, чертыхаясь и бранясь; скорость продвижения упала, и к вечеру я прилично устал.

Найдя небольшую, чистую от деревьев лужайку, я решил остановиться на ночлег, а завтра снова продолжить путь.

Под самое утро проснулся от тревожного чувства. День, судя по всему, уже начался, и даже сюда, в лес, пробивались лучи солнца, только тоже, как мне казалось, какие-то серые. Пересиливая тревогу, я развел костер и, заварив травяного отвара, принялся завтракать, с беспокойством осматриваясь.

Когда снова отправился в путь, чувство тревоги стало усиливаться по мере моего продвижения вперед. «Наверно, надо вернуться назад и попытаться обойти это серое безмолвие», – подумал я. Но потом, рассудив, что не зря я оказался именно в этих местах и что именно здесь пролегает мой путь, на какое-то время успокоился, но прошло полдня, и опять появилось странное беспокойство, но это уже было не то чувство, от которого непроизвольно шевелятся волосы на голове.

Внезапно я уперся в скальную гряду, перед которой стоял прилично одетый человек. За его спиной находилось с десятков огромных волков. На скале тоже сидели волки, и было их, надо сказать, много.

«Вот это я попал», – мелькнуло в моей голове, но я не стал хвататься за оружие, выхватить я его всегда успею, так что не стоит провоцировать этих существ.

Стоящий передо мной мужчина поднял в приветствии руку и стал не спеша приближаться ко мне. Был он высоким, правда пониже меня, стройным, с породистым лицом и странными желтыми глазами.

– Кто ты, странник, и что делаешь в нашем лесу, никто ведь не может ни войти, ни выйти из него без позволения на то Урху, божества сингов. Мы должны бы тебя прогнать, но что-то не дает нам это сделать. Что же, путник, будь нашим гостем во имя богини... Или ты не поклоняешься ей?

Я поднял руку и наложил на себя священный круг, какой накладывают все, кто поклоняется Зее.

– Я – старейшина и вождь племени волколаков Киреш Волд, приветствую тебя, странник. Так что с этой минуты ты наш гость и можешь спокойно жить рядом столько, сколько тебе захочется, – проговорив это, человек наклонил голову, изображая поклон.

– Благодарю тебя, Киреш Волд, за гостеприимство. Я – Алекс эль Зорго, – представился я в ответ и, в свою очередь, поклонился. – Чтобы не нарушить по незнанию ваши правила и законы, хотелось бы узнать о них, а вот долго я у вас не задержусь. Необходимо идти дальше.

– Прошу вас, Алекс эль Зорго, подкрепиться с дороги, и вы расскажете, куда держите путь, – проговорил Киреш, и мы с ним степенно проследовали к скале, которая словно сыр была испещрена пещерками, из большинства которых выглядывали волки. Войдя в одну из таких пещерок, я бы даже сказал – пещеру, так как вход был высотой метра два, проследовав по каменному коридору, уперлись в дверь, которую Киреш открыл. И мы вошли в большую комнату, посреди которой стоял круглый стол, а около него кресла. Вождь предложил мне присесть на одно из них, а сам занял место напротив. Через некоторое время в комнату вошли еще с десятков мужчин, с заметной сединой в волосах, наверное, это были те парни, что присутствовали при встрече в образе волков. Правда, были они худые, с запавшими глазами и темными кругами под ними. Вслед за ними внесли на подносе кувшин вина и какие-то орешки.

– Алекс эль Зорго, утолите жажду, пока готовят обед, он вскоре будет, – проговорил старейшина, когда все расселись.

Женщина лет сорока, внезапно появившаяся за моим плечом, налила вина в мой бокал и снова неслышно отошла. Я поднял бокал.

– За встречу, господа, рад, что мне удалось с вами познакомиться, – проговорил я и пригубил вино.

Я никогда раньше не встречался с волколаками, оборотнями, или людьми-перевертышами, оборотниками, ликантропами, как их называли, только читал в легендах и сказках о них, и на этом все. Поэтому сейчас с интересом разглядывал их, пытаюсь найти отличия от простых людей, и пока не находил. В это время в комнату внесли поднос с лежащим на нем зажаренным барашком. Киреш Волд отрезал от него заднюю ногу и положил мне на тарелку, потом

отложил себе совсем немного мяса, и только после этого отрезали и положили себе кусочки барашка присутствующие. Накладывали совсем понемногу, хоть и смотрели на поднос голодными глазами и постоянно сглатывали слюну. Поначалу я не обратил на это внимания, отнеся это к их звериному второму я, но потом какое-то смутное чувство ненормальности происходящего меня стало беспокоить.

Вождь племени начал меня расспрашивать, откуда я сам и что делаю в «проклятом» лесу. Я не стал ничего скрывать и рассказал почти все. Вернее, то, что плыл на корабле, который попал в сильный шторм, а потом вдруг оказался здесь, вернее, с той стороны холмов. При этом имел рюкзак с полным набором для путешествий, и в голове поселилась мысль, что следует идти именно в этом направлении.

В конце я задал, может, и не тактичный, но очень уж интересующий меня вопрос:

– Мне кажется, у вас что-то произошло, почему вы живете здесь, да и почему народ вашего племени выглядит не очень счастливым.

– Увы, Алекс эль Зорго, мы изгои, на нас наложено проклятие, и мы не можем выйти из этого леса, – горестно проговорил вождь племени, разводя руками. – Пятнадцать лет назад, откуда – не знаю, в наш мир пришли те, кто стал называть себя «сингами». Вроде бы ничем они от людей не отличались, но поклонялись они темному богу. А божество их требовало себе кровавых жертв и даже человеческих жертвоприношений. Мы же поклонялись богине, это она нам дала возможность оборачиваться и наслаждаться жизнью среди дикой природы. Синги стали жить и плодиться, расширяя ареал своего обитания. Постепенно стали перетягивать на свою сторону адептов богини, и чем больше их становилось, тем сильнее становился темный бог Урху. Постепенно ареал владений нашей богини стал уменьшаться, а бога Урху – увеличиваться. В ход шло все: подкуп, обман, запугивание. Те, кто решил остаться верным богине, бежали на ее земли. С такими беглецами, в случае их поимки, сторонники нового бога расправлялись беспощадно. С нами жрецы Урху и их приспешники боялись связываться, в то время мы представляли большую силу и были многочисленны. Мы спокойно жили своими деревнями среди людей, многие были мастерами и жили в городах. Но когда давление на приверженцев богини достигло наивысшей точки, мы тоже решили уйти на земли к богине, правда среди нас оказались и слабые духом, некоторые из них стали поклоняться новому богу. Но

большинство все-таки остались верными и преданными богине. Не успели мы пройти этот лес, как на всех, кто в нем находился, было наложено проклятье самим Урху. Наверное, поджидали, чтобы подловить, когда мы будем все в одном месте. С тех пор мы не можем покинуть этот лес и даже выйти на его границу, ни в одну сторону. Поначалу все еще было более или менее нормально, мы жили, охотились, но со временем становилось все хуже и хуже. Живности в лесу становилось все меньше и меньше, при попытке заниматься огородничеством все сохло на корню, разведение домашних животных тоже не давало того эффекта, что надо. Козы и бараны были мелкие и худые, да и плодиться стали плохо.

Вождь оборотней горестно вздохнул, хлебнул из бокала вина и продолжил:

– Затем стали умирать дети, они рождались хворыми и слабыми, потому что родители не получали всего, что надо для зачатия детей, а те, которых смогли выходить, не могут оборачиваться. Да и те, кто может это делать, из-за недостатка пищи все реже и реже оборачиваются, а обернувшись в звериную сущность, уже не могут вернуться обратно. А тут еще в лесу стали появляться разные гады, нацеленные на причинение нам вреда и даже убийства, их пока немного, но они размножаются. Если не произойдет чуда, то еще через десяток лет и мы просто вымрем, перестав существовать как племя волколаков.

– Почему же богиня бросила вас на произвол судьбы, – удивился я, – вы же ее последователи?

– Ну... на то есть определенные причины, – нехотя проговорил старейшина.

Я видел, что он не хочет отвечать на этот вопрос, и не стал допытываться.

Мы еще долго беседовали с вождем, он рассказал, что на севере тоже хватает народа, оставшегося верным богине, и там почему-то Урху ничего не смог сделать. Лес, в котором находились оборотни, тянулся на десятки километров в обе стороны. Но если идти на восток, то лес плавно поворачивает на север и упирается во внутреннее море, или очень большое озеро, которое называлось Муановое. По названию водоросли, пригодной в пищу, которая в изобилии в нем водилась. Над морем и прибрежными землями не действует сила Урху, но у оборотней не получается подойти к кромке леса, испытывают просто ужасающий страх, на грани помешательства. Если я надумаю идти к морю, то

Киреш даст мне провожатого, который доведет меня, а потом вернется. На море властвует племя корабелов, они и рыбаки, и перевозчики, никто кроме них не имеет кораблей. Если кто-либо захочет построить корабль и ходить по морю по своему разумению, то его просто потопят вместе с кораблем. Нет, можно, конечно, вступить в их гильдию, заплатив огромный взнос, но тогда придется выполнять все законы и требования корабелов. Но немногие решаются на это, со стороны лишь некоторые купцы имеют свои корабли.

– Эх, если бы только можно было хоть одному из нас попасть на северные территории и узнать, почему там Урху бессилён! – проговорил Киреш в заключение нашего разговора.

Спать меня положили в одной из комнат этого же комплекса пещер. Заснуть долго не получалось, я перебирал в памяти все услышанное и решал, в какую сторону мне двигаться, к морю или к поселку, увиденному мной ранее. Уходить решено было завтра, я видел, как плохо с продуктами у оборотней, а мне как гостю будут отдавать лучшее, стоит ли объедать хозяев?

Утром я поставил Киреша в известность, что ухожу, и он, кликнув женщину, что подавала вчера на стол, попросил позвать Ивасту.

– Это моя дочь, – представил он мне вбежавшую в комнату волчицу. – Иваста, этого человека надо проводить к морю.

Волчица, наклонив голову, внимательно меня осмотрела и улеглась, ожидая, когда мы отправимся в путь; была она намного больше простого волка, и взгляд у нее был больше человеческий, чем звериный.

– Она не может уже обернуться в другую ипостась, не хватает сил, но в этой все прекрасно понимает, разве что сказать ничего не сможет, – грустно проговорил Киреш. – Пока она могла оборачиваться, ее учили грамоте, как и других детей, и о строении мира, кое-каким законам, но последние несколько лет у нее не хватает сил обернуться. Одно время говорили о том, что простой человек, не попавший под проклятие, может вывести оборотня из леса, но это все лишь разговоры и домыслы. Очень уж давно никто в лес не заходил, – Киреш помялся: – Если вдруг появится у тебя такая возможность, прошу тебя, выведи Ивасту.

На волчицу надели ременную сбрую с кожаными сумками, положили туда мясо ей в дорогу, и мы были готовы отправиться в путь.

Киреш проводил нас на край поселка и пожелал легкой дороги. Волчица трусила чуть впереди, показывая дорогу. К вечеру мы вышли на небольшую поляну с родником, который, появившись, тут же прятался в какую-то промоину. Я освободил волчицу от груза, сняв сбрую; разжег костер, вылил воду, что была у меня в котелке, бросил крупы, кореньев и принялся варить кашу. Волчица куда-то исчезла и вернулась через некоторое время, даже по морде зверя было видно недовольство. Скорей всего, бегала на охоту, но так ничего и не нашла. Достал из ее сумок кусок мяса, дал ей, к этому времени подоспела и моя каша, и мы принялись ужинать. Киреш говорил, что дальше будет встречаться живность, не всю еще истребили, а вот в двух днях пути от поселка даже мышей встретить проблема. Что же, будем надеяться, что нам по дороге что-нибудь попадется, иначе продуктов нам не хватит и придется голодать.

Поужинав, я завалился спать; целый день в пути давал себя знать. Волчица тоже прикорнула недалеко от меня. Утром я немного размялся, помахав мечом, умылся просто ледяной водой из родника, доел вчерашнюю кашу, и снова в путь. Идти нам долго, дней десять, и то если ничего не задержит, да и как идти будем, тоже роль играет. Но пока двигаемся достаточно споро, без остановок в течение дня.

На пятый день темп движения упал, видно было, что устала и волчица, все-таки без мяса долго не протянешь, а оно закончилось вчера. Да и я тоже утомился. Решили отдохнуть. Когда я предложил это вечером, то моя проводница согласно рыкнула и наклонила голову. Поужинал жидкой кашей, крупы надо было экономить, ее тоже осталось немного. Волчица от каши презрительно отказалась, побегала по округе, но, по-видимому, ничего не нашла, поэтому легла спать голодная.

Проснулся я от того, что кто-то дергал меня за рукав камзола. Меня будила волчица, осторожно дергая за рукав, увидев, что я проснулся, кинулась к моим вещам и притащила рюкзак с привязанным к нему арбалетом. Нетерпеливо перебирая лапами, словно что-то хотела сказать, она тихонько, еле слышно повизгивала. Я, отвязав арбалет, натянул тетиву, схватил один болт и зарядил оружие, остальные вместе с сумкой повесил на плечо, перекинув ремень через голову. И пошел за волчицей, которая, как всегда, шла чуть впереди, при этом очень осторожно, периодически оглядываясь, иду ли я следом.

Пройдя каких-то сто метров, я увидел семейство диких свиней, которые ели желуди под большим раскидистым дубом. Осторожно, чтобы не хрустнула ни одна веточка, я стал подбираться на расстояние выстрела, помогало то, что скрывала меня высокая трава. Наконец я решился и выстрелил, выцелив молодую свинку, и, когда стадо стало разбегаться, успел подстрелить еще одну, но эта была совсем уж небольшая.

Волчица кинулась к добыче и ловко перехватила горло бьющейся в агонии свинье, и пока я подошел, она успела стащить наши трофеи в одно место и сидела, довольно скалясь. Взвалив ту тушу, которая была больше, на плечо и приказав волчице сторожить вторую, отнес добычу на стоянку. Да, теперь работы прибавится, надо же будет их разделать и запастись провиантом. Ну да это приятное дело, а то я уже начал переживать, что придется голодать.

Полдня провозился с кабанчиками, волчица вначале ела, не разбирая, что я ей кидаю, потом, утолив первый голод, начала перебирать. Я же, разделав добычу, принялся жарить и варить мясо в дорогу, часть оставив свежим, для волчицы, заполнив ее сумки. Еще день мы отъедались и просто лежали, набираясь сил для дальнейшего путешествия.

Следующие дни шагалось веселей, пропитанием мы были обеспечены, но тащить рюкзак было намного тяжелее, пришлось даже волчицу поболее нагрузить. Но та не возмущалась, понимая, что все я не утащу. За эти несколько дней, прошедших после охоты, было заметно, как округлились ее бока и стала блестеть шерсть.

Сегодня мы шли уже одиннадцатый день и скоро должны были выйти к опушке леса, как вдруг раздался визг волчицы, в нем слышались испуг и боль. Я немного отстал от нее, поэтому бросился на звук. Выскочив к месту, откуда доносился голос волчицы, который становился тише и тише, был поражен увиденной мной картиной. Корпус волчицы обвивала огромная, толщиной в мою ногу, змея, вторая, поменьше, наблюдала, подняв голову, за происходящим. Увидев меня, она зашипела и поползла в мою сторону. Рюкзак с арбалетом и сумка с болтами сковывали мои движения, и я попытался сбросить его, но одна из лямок зацепилась за рукоять меча, и он повис, путаясь в ногах. А змея уже рядом, очень уж быстро она двигается. Мне все-таки удалось выхватить кинжал и, схватив змею за голову, отсечь ее в несколько ударов. Звук при этом был такой, будто я рубил жезл. Лишившись головы, змея забилась в агонии, при этом

очень чувствительно приложила меня хвостом по лицу, разбив нос и губу, из них тут же потекла кровь. Но мне некогда было обращать на это внимание, надо было спасти свою проводницу. Мне наконец удалось избавиться от рюкзака, и я, сжимая в руке кинжал, кинулся к волчице, которую оплела змея. Увидев, что я убил ее товарку, змея стала ослаблять кольца на своей жертве, понимая, что вначале ей надо расправиться со мной. Она сделала резкое движение в мою сторону и ударила меня мордой в грудь. Я покатился по земле, ощущение было такое, словно в меня ударил таран. Увидев, что я упал, змея снова стала сжимать кольца на волчице. Хоть и тяжело мне было, но я встал, некогда было разлеживаться. И, выбрав момент, пригвоздил голову гадине к земле; помня о том, что ее кожа напоминает жезл, я бил изо всей силы. После чего стал рубить ее на куски и отбрасывать их в сторону. Мечом я не мог действовать, так как боялся навредить волчице, поэтому рубил и резал кинжалом. Резал – это громко сказано, скорей пилил, перемазался весь в крови этой твари, а она сопротивлялась даже с пробитой головой. Наконец я освободил волчицу, оттащил ее в сторону и принялся со злости рубить змею мечом на мелкие куски. После чего устало привалился к дереву и присел.

Волчица начала подавать признаки жизни, оборотни вообще крепкие существа. Думаю, отойдет, если не сильно повреждены внутренние органы.

Подняв волчицу на руки, я отнес ее в сторону от места схватки и решил тут остановиться. Надо было привести себя в порядок и немного восстановиться после боя со змеями. Хотя время и так уже близилось к вечеру, и надо где-то искать место для ночевки. Умывшись и разведя костер, я стал жарить мясо, волчица с трудом поднялась и, подойдя, улеглась, прижавшись ко мне. Отказавшись от еды, она так и спала рядом со мной.

Через сутки путешествие наше подошло к концу, мы достигли края леса; еще оставалось метров двести, но уже проглядывалась опушка в просветы между деревьями. Я обратил внимание, что моей провожатой было не по себе, она даже тихонько поскуливала временами. Я же чувствовал себя так же, как и раньше, и изменений, собственно, никаких не замечал.

Отойдя от края леса немного назад, чтобы волчице было более комфортно, остановились на ночевку. После ужина мне вдруг в голову пришла одна мысль.

– Послушай, Иваста, давай я попробую вынести тебя из этого леса, ведь вас сдерживает страх неизвестно перед чем. Мне кажется, что, кроме

психологического давления, вам и тебе лично ничего не угрожает. Да и твой отец просил об этом.

Волчица внимательно слушала и не сводила с меня глаз. Ободренный ее молчанием, я решился на эксперимент.

– Давай-ка мы сделаем вот что: я сейчас накрою твою голову кольчугой, и мы с тобой станем приближаться к опушке. Ты же будешь отмечать свое состояние по мере приближения к ней, потом я буду задавать наводящие вопросы, а ты будешь подавать мне знаки.

Достав из рюкзака кольчугу, я накинул ее на голову Ивасте, и мы двинулись к выходу из леса. Даже я заметил, что волноваться она стала намного позже, чем раньше. Когда до выхода из леса оставалось метров сто, я решил вернуться. Затем, задавая вопросы, понял, что ей было легче под кольчугой и страх начал сковывать ее намного позже.

Значит, кольчуга как-то экранировала влияние страха на оборотня. Обдумав все, спросил у Ивасты:

– Ты согласна со мной покинуть этот лес?

В ответ получил однозначное согласие.

– Тогда сделаем так... Я помимо кольчуги еще свяжу тебя и вынесу из этого леса, надеюсь, что у нас все получится.

Конечно, я был самонадеян, и следующий день это показал. Чем ближе я с волчицей на плечах приближался к опушке леса, тем беспокойней вела себя она. Кроме того, она была очень тяжелой, ведь оборотни были намного больше простых волков. Я тащил ее эти сто метров как робот, еле переставляя ноги. Вначале она просто скулила, потом начала выть и биться, так что я еле удерживал ее, а когда преодолел ряд последних деревьев, она затихла. Я испугался, что Иваста умерла от страха, но, отбежав несколько десятков метров от опушки леса и прислушавшись, почувствовал биение сердца. Свалив ее на землю, упал рядом почти без сил.

Когда я пересек границу леса, цветовая гамма вокруг меня разительно изменилась, она стала ярче, насыщенней, словно в окружающую меня действительность кто-то просто плеснул краски. Но мне сейчас было не до окраски травы, деревьев или неба, отдышавшись, я попытался разобраться с волчицей.

Положив ее на траву, я стал развязывать веревки, которыми связал ее лапы, и разматывать с головы кольчугу. После чего, залив в ее пасть немного воды из фляги и полив на морду, увидел, как открылись глаза, и через некоторое время волчица поднялась на лапы. Она стояла, покачиваясь, с каждой минутой все больше приходя в себя. Окончательно придя в себя, она подошла и лизнула меня в щеку.

Через час, убедившись, что Иваста полностью отошла, я направился в сторону моря, серо-голубая полоска которого еле виднелась на горизонте. К вечеру следующего дня мы, наконец, вышли на берег моря и, расположившись в небольшой роще, перекусив тем, что оставалось, упали спать. Завтра еще целый день тащиться до ближайшего приморского городка, где можно будет найти корабль, следующий на северный берег.

Глава третья

Городок под названием Робрюк был грязный, запущенный, иногда на улице можно было встретить кучи мусора с копошащимися там крысами. Было много нищих и другого опустившегося сброда. На улицах можно было встретить и бедных в потрепанных одеждах, и обезображенных болезнями людей, и разряженных в дорогие одежды аристократов. Встречались мужчины разного возраста, стриженные наголо и одетые в хламиды багряного цвета, наверное, это были жрецы Урху. Но нигде не было храмов ни богине, ни Урху, в городах, расположенных у моря, любой мог молиться кому угодно.

Я с волчицей поселился на постоялом дворе, почти в самом порту. Пока добрались до него, многие встречные с любопытством смотрели на меня и волчицу, кто-то с интересом, кто-то с ненавистью. Уже начало вечереть, когда мы ввалились в зал постоялого двора.

В зале было довольно шумно, за многими столами сидели посетители, кто-то ужинал, другие налегали на пиво и вино, в общем, все занимались тем, что больше всего прельщало их в данный момент. Пройдя по залу к стойке, за которой разместился здоровенный мужик, лишь немногим мельче меня, и протирал кружки, я обратился к нему:

– Могу ли я снять у вас комнату?

Мужик оглядел меня с ног до головы, потом глянул на волчицу, помолчал и ответил:

– Можешь, три серебряные монеты, но предупреждаю сразу, собака не должна бегать по залу и жилному этажу, если выходит из комнаты, то только с вами.

Волчица на эти слова оскалилась и тихонько зарычала.

– Все вопросы чести решаются на заднем дворе, а не в обеденном зале, – продолжил мужик, глядя на меня, не обратив внимания на недовольство животного.

– Хорошо, а можно у вас постирать одежду и обмыться? – поинтересовался я.

– Еще одна серебряная монета, – проговорил бармен или хозяин, не прерывая свою работу.

Я достал монеты и выложил на стойку, исчезли они с удивительной быстротой.

– Альгина! – заорал мужик. Из неприметной двери выскользнула девица с довольно впечатляющими формами и рябым лицом.

– Покажи постояльцу комнату и приготовь мыльню, и пусть Тамна постирает одежду господину.

– Хорошо, хозяин, прошу вас следовать за мной, – это она проговорила уже мне и пошла впереди, покачивая задом.

Комната была такая же, как и многие другие, в которых мне приходилось ночевать: узкий пенал с кроватью, стулом, маленьким столиком, с тазом для умывания и гвоздями, вбитыми в стену в связи с отсутствием гардероба. Тщательно вымывшись в большой бочке с горячей водой, я надел запасные штаны и рубашку, оставив ту, что снял, в стирку. Ужин заказал в комнату, не дело рисоваться с оборотнем в зале.

Поел и с удовольствием вытянулся на узкой жесткой кровати; я был чистый, сытый, лежал на набитом свежим сеном матрасе и даже простыне, пусть из небеленого полотна, но как все-таки хорошо снова почувствовать себя человеком.

Волчица, съев говяжью печень, тоже, похоже, чувствовала себя хорошо и, свернувшись калачиком у порога двери, принялась дремать. Утром я проснулся от того, что кто-то всхлипывал в комнате; открыв глаза, увидел девушку лет шестнадцати, забившуюся в угол и горько плачущую. Спросонья я даже не понял, кто это.

– Ты кто такая и как сюда попала? – пробормотал я. В ответ услышал лишь усиливающийся плач. Наконец я начал приходить в себя и сообразил, что это моя волчица, или, как там ее, Иваста. Вот же ничего себе! Она сидела, зажавшись в углу, совершенно голая, и уже начинала с горя подвывать.

– А ну тихо! – рявкнул я. – Ты чего тут сырость разводишь, что такого произошло, что надо убиваться, как по покойнику?

– Я очень испугалась, и я совершенно голая, – не переставая всхлипывать, проговорила из угла девчушка.

– Так, я сейчас выйду, а ты ложись в кровать и укройся. Сегодня сходим на рынок и купим тебе соответствующую одежду.

Я быстро оделся и вышел из комнаты. Остановившись у двери, услышал, как по полу прошлепали ступни босых ног, и, выждав какое-то время, открыл дверь.

– Ты как, мне можно войти? – спросил я.

- Да, входите.

Укрывшись до подбородка, на кровати лежала симпатичная девушка с большими заплаканными серыми глазами, пухлыми губами и нежным овалом лица. Не успел я войти в комнату, как в дверь постучали, и вчерашняя служанка вручила мне мою одежду - сухую, чистую и пахнущую травами. Ткнув ей в руку какую-то медную монету, я закрыл дверь и в раздумье уставился на девушку.

Надо ее одеть, лучше, конечно, тащить с собой на рынок и там подбирать одежду по размеру. Но в чем ей туда идти? Вот вопрос. Кинув на кровать вещи из стирки, я предложил ей надеть мою рубашку.

- Пойду, пока закажу завтрак, а потом будем думать, как тебя приодеть, - проговорил я, выскальзывая за дверь.

За стойкой стояла та же служанка, приносившая одежду.

- Что желает господин? - с улыбкой спросила она.

- Что вы можете предложить на завтрак?

- Пирог с печенкой, вареные яйца, холодное мясо, пока все. Из напитков пиво, разное вино и фруктовый взвар.

- Тогда принесите в комнату пироги, мясо и взвар, мяса несите как можно больше.

Вернувшись к себе, я застал волчицу примеряющей мои брюки. Вместиться она могла вся в одну штанину, да и по длине надо было укоротить чуть ли не вдвое. Увидев меня, она покраснела, но штаны не сняла, рубашка ведь не платье, и хоть опускалась до колен, но девушка решила, что не стоит постороннему мужчине видеть даже то, что оставалось. Интересно, в образе волчицы она была намного больше обыкновенного волка, ведь оборотни крупнее, сильнее и выносливее своих простых собратьев, а вот в образе человека - миниатюрная стройная девушка.

После завтрака я решил все-таки сам отправиться на рынок и хоть что-нибудь приобрести из одежды для Ивасты. А потом уже можно будет сходить и вдвоем, чтобы выбрать одежду по ее вкусу и размеру, сам подбирать ей гардероб я не рискнул. Объяснив все это девице и приказав никому не открывать и не отзываться, я отправился на рынок.

Рынок был шумный и многолюдный, даже за пару кварталов было слышно его гул, а уж ароматы накрывали перед самым рынком. Здесь смешалось все: и запах морских даров, которые продавали на рынке, и смрад от каких-то гниющих отходов, и вонь человеческого пота и животных. Небольшой ветерок с моря, налетающий порывами, на некоторое время сдувал эти «ароматы», но затем они снова наваливались на спящий народ, так что у непривыкшего к таким «благоуханиям» человека слезились глаза.

Какое-то время я с трудом дышал, стараясь унять рвотные позывы, но потом привык и уже спокойно разглядывал выставленные на продажу товары. В нескольких местах вещали проповедники Урху, их почти никто не слушал, но это их не останавливало, и они монотонно повторяли раз за разом текст своей проповеди.

Вдруг я почувствовал, как кто-то пытается добраться до моего кошелька на поясе под камзолом. Дав время, чтобы вор подальше запустил руку, я ее резко схватил и сжал.

– Ой, ой, ой, – услышал я и посмотрел на того, кто хотел меня обворовать. Худой парнишка лет семнадцати, в потрепанной рубашке, с непокрытой головой, жалобно ойкал, даже присев немного от боли. Я ослабил хватку, но не отпустил руку вора.

– Ой, дяденька, отпусти, я нечаянно, я даже не думал сделать что-то плохое, – заныл он, при этом нагло усмехаясь. Тут же вмешались несколько зевак немалой комплекции. Видно было, что это одна компания.

– А ну, отпусти мальчишку, чего с пацаном связался, – проговорил один из них, а остальные двинулись ко мне.

– Хорошо, отпускаю, – проговорил я и резко сжал руку воришки, ломая ему кости запястья. Парень охнул и стал заваливаться, потеряв сознание, один из

защитников подхватил его, не дав упасть, и удивленно заглянул ему в лицо.

Я же развернулся и попытался уйти, но кто-то из подельников вора схватил меня за плечо.

- А ну, стой! - прорычал тот, кто меня пытался задержать. Я же, ухватив его пальцы, резко взял их на излом и развернулся к говорившему, потом чуть нажал, и мордорот встал передо мной на цыпочки, пытаюсь ослабить давление.

- Ты что-то хотел? - спросил я его.

- Отпусти, - просипел он, бледнея.

- В следующий раз дотронешься до меня, и я просто сломаю тебе руку... Ты понял, - процедил я.

- Понял, понял, отпусти, господин.

Я отпустил его руку, обвел взглядом троицу и, повернувшись, пошел к увиденной мной ранее лавке, торгующей ношеной одеждой. В лавке я долго перебирал тряпки, пытаюсь что-то выбрать, наконец, нашел почти не ношенное платье серого цвета. Заплатив за этот секонд-хенд, я не вытерпел и поинтересовался, откуда эта одежда. Продавец замаялся, не зная, что ответить.

- Я не знаю, господин, доставляют мне ее жрецы Урху, а где они ее берут - мне неизвестно, - промямлил торговец, пряча глаза. И тут до меня дошло, что это может даже быть одежда тех, кого отправили на жертвенный алтарь. Мурашки пробежали по спине, и меня даже передернуло от брезгливости. Но деваться было некуда, и я только сильнее сжал платье в руке.

- Господин, вы не волнуйтесь, все вещи вычищены и постираны, - проговорил продавец, но я уже выходил из лавки.

«Но ведь говорят, что в жертву приносят только животных, людей же, кто не готов принять религию сингов, изгоняют», - думал я по дороге. Нет, надо будет все шить новое, чтобы ничего не напоминало о том, чья это может быть одежда.

На постоялом дворе я проскользнул на второй этаж и, постучав в дверь, окликнул Ивасту. Дверь открылась, и меня впустили.

– Вот примерь, и надо быстро наведаться в мастерские, где шьют одежду, – проговорил я, передавая девушке платье. Когда она вышла, одевшись, видно было, что платье немного широковато для нее, ну да сейчас других вариантов не было.

Пройдя по городу, мы нашли швейную мастерскую, и я предоставил Ивасте полную свободу действий. Она что-то обсуждала с хозяйкой, пока ее обмеряли, а та что-то записывала. После чего хозяйка обратилась ко мне, назвала сумму в десять серебряных монет и сообщила, что все будет готово в течение двух дней. Меня это вполне устраивало, и я выплатил половину денег в качестве задатка. Девушка еще прикупила какие-то женские нижние юбки, и мы отправились с Ивастой обратно на постоялый двор. По дороге пришлось еще зайти в сапожную мастерскую, где удалось даже купить почти готовые мягкие туфли и заказать ей легкие сапожки. Мы подождали час, пока туфли еще немного подогнали, и Иваста их сразу надела. После чего мы направились к себе. Вечерело, и за делами обед мы прозевали, есть уже хотелось основательно, и мы поспешили на постоялый двор.

Неприятности начались, едва мы прошли пару кварталов. Вдруг дорогу нам преградили двое жрецов в багряных одеждах, сзади тоже слышались шаги, и, оглянувшись, я увидел двоих из тех, с кем уже имел возможность столкнуться на рынке. Подтолкнув девушку к ограде какого-то дома и прикрыв ее спиной, я приготовился к драке.

– Смычка религии и воров, как мило... – усмехнулся я, вынимая меч из ножен.

– Ты оскорбил наших адептов, – проговорил один из багряных, – придется очень сильно извиниться.

И тут я заметил, что на груди тех, с кем столкнулся на рынке, тоже был небольшой багряный знак с той рожей, что видел на столбах, ограждающих серый лес. В руках багряных жрецов тоже появились мечи, и было видно, что они не новички в обращении с оружием; у тех, что сзади, были кинжалы, тоже не малой величины.

– Стой смирно и молчи, не пытайся мне помочь, – попросил я Ивасту, потому что видел, как сверкали ее глаза и раздувались ноздри, понял, что может вмешаться и интуитивно была готова к трансформации.

Изобразив, что хочу напасть на адептов с кинжалами, даже сделав шаг в их сторону, я вдруг изменил направление движения и ударил одного из багряных жрецов. Тот был начеку и попытался плоскостью меча отвести удар, только вот он не знал, что его железка, которую он по ошибке считал мечом, для меня не преграда. Звякнуло перерубленное лезвие меча и упало под ноги, а сам багряный, словно запнувшись, сделал несколько неуверенных шагов и упал в пыль. Еще никто ничего не понял, а я атаковал второго, немного вывернул кисть и располосовал ему грудь, а потом обратным движением рассек горло.

Воры, или кто они там были, соображали быстрее жрецов и, увидев, как я расправился с ними, попытались удрать. Но я не собирался оставлять свидетелей, поэтому, выхватив кинжал, бросил его, попав одному в спину, а второго я просто догнал и зарубил. Возвращаясь, вынул из тела упавшего бандита кинжал и немного подправил свою работу. Оглянулся вокруг, вроде бы никто ничего не видел, да и все произошло очень быстро, а мы не сильно шумели. Будем надеяться, что нас никто не видел, а если видел, то не обратил внимания.

– А теперь бежим, только не топай, – сказал я Ивасте, и мы припустили на постоянный двор. В помещение обеденного зала мы вошли спокойно, успев отдышаться после бега. Народ заправлялся спиртным, и на нас почти не обратили внимания. Отправив Ивасту в комнату, я остановился заказать ужин. На постоялом дворе народа прибавилось. Как понял по разговорам окружающих, это был купец, прибывший на одном из кораблей, и его люди. Он искал перевозчиков и охрану для дальнейшего движения в глубь королевства. Я осмотрел народ и, заказав ужин, поднялся в комнату.

Эту ночь на полу пришлось спать мне. Кинув под голову рюкзак и укрывшись камзолом, я попытался заснуть, что мне с трудом, но удалось. Утром встал рано, все-таки спать на ровной гладкой поверхности не очень удобно. Немного размяв мышцы и умывшись, спустился в зал и попросил подать травяного отвара покрепче, чтобы взбодриться. Прихлебывая горячий отвар, стал обдумывать порядок дел, которые надо совершить.

Конечно, превращение волчицы в девушку нарушило мои планы и увеличило время пребывания в городке. Да и вчерашняя схватка со жрецами и ворами тоже в мои планы не входила. Хотел тихо найти корабль и отправиться на нем в сторону северных территорий. Теперь корабль пойду искать только завтра, после того как заберу одежду Ивасты. А там неизвестно, сколько придется еще искать и ждать подходящее судно, хотя в принципе можно и на перекладных добираться, нигде долго не задерживаясь, чтобы не мозолить глаза.

* * *

– Позови мне старшего надзирающего, – приказал слуге Кьюз Барч, главный жрец города. Он был раздражен уже с утра из-за дошедших до него слухов о том, что в городе видели человека с волком-оборотнем. И по всей вероятности, оборотень был из «проклятого» леса; если это так, ему тоже придется отвечать перед инспекторами из столицы. А что он мог сделать, в его распоряжении всего двадцать младших жрецов да десяток адептов, а кроме того, в его обязанности не входит контролировать еще и лес.

«Все это довольно плохо, просто потому, что понаедут проверяющие, и начнется», – почему плохо, додумать он не успел, в дверь постучали.

– Разрешите войти, вашество? – спросил после стука в дверь старший надзирающий, маленького роста неказистый человек с постоянно бегающими глазками, огромным носом, потными руками и неприятным запахом изо рта. Главному жрецу старший надзирающий был очень неприятен, но сделать он ничего не мог, в столице у этого надзирающего были очень большие связи. Приходилось терпеть и ждать случая, когда можно его будет подставить и убрать от себя.

– Входи, Ториль, можешь присесть, – указал Барч на одно из кресел у резного лакированного стола, за которым Барч и сидел. – Что ты знаешь о человеке с волком-оборотнем, пришедшем пару дней назад в город?

– Э-э-э... – проямлил тот растерянно, при этом бледнея.

– Так понимаю, ничего, – усмехнулся главный жрец города Барч, встал, прошелся по комнате и остановился перед Торилем, покачиваясь с пятки на носок. – А чем,

интересно, ты занимаешься, что об этом я узнаю совершенно от посторонних людей, а тот, кто обязан мне об этом докладывать, сам ничего не знает?

– Я тут вот болел немного, – еле слышно пробормотал надзирающий.

– А может, ты в очередной раз был у любовницы и забросил все дела по службе? – нависая над подчиненным, все больше распалялся Барч. В это самое время в дверь снова постучали, и заглянувший секретарь сообщил, что принесли записку от начальника стражи города.

– Давай ее сюда, – недовольно сказал жрец, со злостью глядя на секретаря, который прервал выволочку надзирающего. Приняв записку, он развернул ее и, прочитав, еще больше распалился.

– Ты... ты об этом тоже ничего не знаешь? – Барч стал тыкать в лицо надзирающему листом бумаги. Кинув лист перед подчиненным, чтобы тот прочитал, он упал в кресло. Теперь уже точно не избежать проверки из столицы. Давно такого не случалось, чтобы убивали жрецов Урху. Бывало, что умирали с перепоею или тонули, будучи пьяными, упав в сточную канаву. Но вот убийств не было лет десять.

Ториль, прочитав записку, покрылся холодным потом, тут и его родственник, служивший секретарем верховного жреца, мог не спасти. Ему запросто могут вменить несоответствие должности и небрежность по службе, и тогда его засунут на самый низ. А потеряв нынешнюю должность, он будет вечно служить младшим жрецом, проповедовать на рынках и возиться с адептами. Подумав об этом, Ториль почувствовал, как волосы на голове у него зашевелились, а по спине потек холодный липкий пот. Непроизвольно он соскользнул с кресла, в котором сидел, на колени и пополз, стелая и моля прощения, к старшему жрецу.

– Прошу милости и прощения, – взывал он, – все, что прикажете, вашество, никогда больше, пощадите.

Старший жрец презрительно посмотрел на ползающего у его ног надзирающего, и в его голове начал рождаться план.

– Встань и садись за стол, – приказал он Ториле. А когда тот поднялся, уточнил: – Бери лист бумаги и пиши объяснение. Где был, что делал, почему не

знал о происшедшем, после того как напишешь, будем думать, как все исправить, чтобы в столице к этому отнеслись спокойно.

Пока Тор иль потел, высунув язык, придумывая объяснение, Барч размышлял, как поступить и что написать в столицу по поводу последних событий. Город, как и все другие приморские города, был свободным и не подчинялся ни жрецам Урху, ни королю. С королем был заключен договор о разделении прав и свобод. В городе существовал совет капитанов и старшин гильдий, бургомистр. Кстати, это была выборная должность, со жрецами была договоренность, что они могут иметь в городе своих адептов, но храмы не строят, инакомыслящих не преследуют и жертвенного алтаря не имеют. В случае нарушения условий корабелы перестают отвозить паломников на один из островов океана, где находился главный алтарь, для молитв и проведения обрядов. Уже были прецеденты ранее: отказавшись от услуг корабелов, жрецы решили сами отправиться в паломничество. Да вот только вышла незадача, не смогли доплыть даже до пролива, соединяющего море и океан. Что произошло, никто просто не знает, исчез корабль, и все. Было еще несколько попыток, и все закончилось одинаково, в одной из попыток паломничества пропал и бывший верховный жрец. После этого и был заключен договор с корабелами.

Так что больших прав жрецы Урху в городе не имели, и уже давно их приходы не пополнялись новыми адептами, ну разве что некоторые члены ночной гильдии вступали в орден. Города жили по своим законам, они были разрозненны, но вот корабелы были объединены, и стоило кому-то нарушить договоренность или как-то ущемить права корабела, тут же наступало возмездие.

– Теперь слушай, что ты должен сделать, – увидев, что надзирающий закончил писать, и пробежав написанное глазами, проговорил старший жрец. – Во-первых, необходимо перерыть весь город, но найти человека с оборотнем, и если находим, то привязываем его к убийству жрецов и адептов. До этого считается, что жрецы поссорились, выпив лишнего, и умудрились убить друг друга, про адептов вообще молчим. Да и кто о них вспомнит, мелких воришках и жуликах. Если же находим того, кто нам нужен, говорим, что это он так обставил дело и пустил следствие по ложному следу. Пройди по всем притонам и постоялым дворам.

– А вдруг их уже нет в городе, что тогда делать?

– Тогда узнать приметы и отправить описание по всем городам побережья. Пусть знают, что мы даже к слухам относимся ответственно. А если их и поймают, в том и наша заслуга будет. И не вздумай болтать, не то...

Барч взял со стола написанный документ и демонстративно сложил его и сунул в стол, а затем закрыл ящик на ключ.

– В крайнем случае мы находим этого человека мертвым, надеюсь, ты понимаешь, что я сказал.

– Да, да, конечно, все понимаю, а как же оборотень...

– Хм-м, ну, скажем, что он был с севера и, наверное, хотел проникнуть в «проклятый» лес, а у северных оборотней и люда, живущего там, нет печати.

«Как же я попал, – думал Ториль, выходя из кабинета Кьюза Барча, – ну ничего, подождем, смотришь, и ты оступишься. А я теперь буду всегда начеку, вот только Нанель достану лемирского шелка, как она просила, и все. – Мысли Торилия перескочили на подружку: – Ах, какая лапочка, как она искусна в постели!»

Глава четвертая

Весь следующий день я провел в порту в поисках судна, следующего на север материка. Но, к сожалению, ничего подобного не нашел, почему-то почти все шли на южный берег. Вечером вернулся на постоянный двор злой и голодный. Во дворе было с десяток груженных повозок. «Наверное, это товары купца», – подумал я, нашел, видать, перевозчиков. Когда остановился заказать ужин, хозяин, не глядя на меня, тихо проговорил:

– Сегодня заходили жрецы Урху, спрашивали, не останавливался ли у меня человек с волком-оборотнем и не происходило ли чего-нибудь странного или необычного. А некоторые посетители сказали, что жрецы опрашивают народ по всему городу, да еще говорят, дескать, на днях кто-то убил несколько жрецов. Я на все вопросы ответил отрицательно, но вам надо быть осторожными. И лучше

бы завтра съехать, кто-то из посетителей может и донести. Альгина, собери заказ господина из третьей комнаты и отнеси к нему! – прокричал он себе за спину и принялся опять перетирать кружки. Я поблагодарил его за предупреждение и поднялся в свою комнату.

Поднимаясь, я столкнулся на лестнице с купцом, тот, по-видимому, что-то считал, загибая пальцы. При этом продолжал движение, а у меня в голове мелькнула мысль и не успела еще сформироваться, как я начал претворять ее в жизнь.

– Добрый вечер, – обратился я к нему, – прошу прощения за вопрос: нельзя ли будет присоединиться к вашему каравану и добраться с ним до города Икенабор?

Это был город в полуторастах с лишним километрах от этого, где мы находились. Купец оглядел меня и, что-то решив для себя, ответил:

– Три монеты серебром за одно место.

– Я передвигаюсь с племянницей, ей надо будет место в повозке, я же буду верхом.

– Хм-м, тогда четыре монеты, все-таки у нас охрана, а вас два человека.

– А когда вы выезжаете? – поинтересовался я.

– Хотел выехать утром, но не получается, скорей всего, выедем только к обеду.

Это меня устраивало, я поблагодарил купца за ответ, сам же сказал, что если успею решить все мои дела, то мы тоже будем в его караване. Откланявшись друг другу, мы разошлись.

Поднявшись на этаж, постучал в дверь и окликнул Ивасту, чтобы не боялась открыть. Та переспросила, подойдя к двери, и, поняв, что это я, открыла.

– Ты как тут, никто не беспокоил? – спросил ее, проходя в комнату.

– Нет, никто не приходил, я весь день пыталась оборачиваться, и у меня это получается очень просто и быстро. Стоит только подумать об этом, и начинается трансформация, только вот надо раздеваться перед этим, а то, думаю, вещи могут пострадать.

Вчера мы с ней обсуждали ее неконтролируемую трансформацию, выяснилось, что оборачиваться ликантропы начинают в пять-шесть лет. Иваста тоже в это время прошла инициацию под присмотром отца и матери, а потом ее учили грамоте, она знала географию, некоторые законы. Но пришло время, и отец приказал обернуться в звериную ипостась и так в ней остаться. В звериной сущности легче выживать в том положении, в котором оказались ликантропы. А в городе она обернулась во сне, неожиданно, и очень испугалась, да при этом оставалась абсолютно голой. Обратно обернуться у нее не получилось, тут и началась истерика, которую я, проснувшись, прекратил, наорав на нее. Сегодня, когда уходил, посоветовал тренироваться, вспомнить все, чему учили родители, и попробовать переходить из одной ипостаси в другую. Вот сейчас она прямо с порога и начала отчитываться.

За ужином я рассказал ей о предупреждении хозяина и о том, что попутный корабль я не нашел, а вот из города надо уходить. Поэтому мы завтра идем вначале за ее одеждой и обувью, и пока она будет ее там мерить и подгонять, я постараюсь купить коня, а потом мы с ней отправимся к следующему городу, но уже не на побережье, в караване купца.

Перед сном мы с ней снова долго беседовали, она подробно рассказала о жизни в лесу, о постоянном голоде, о том, как многие мечтают вырваться оттуда, и о той безысходности, что сковала всех в последнее время. А еще, что в душах некоторых поселились страх и безнадежность.

– Вы сами видели, какие змеи появились в лесу, и их становится все больше и больше, а ведь раньше их не было совсем.

Так под тихий голос Ивасты я и заснул, спал, как обычно, без сновидений, проснулся хоть и рано, но хорошо отдохнувшим.

Утром я сопровождал Ивасту к швейной мастерской, а сам поспешил на рынок. Было еще рано, купцы и лавочники только открывали свои лавки и занимали места в торговых рядах, но там, где торговали домашними животными, уже

толпился народ. Заметил я и толкающегося среди зевак и покупателей карманника, который пытался срезать у меня кошель. Сегодня у него была другая охрана, прошлая уже была не в состоянии ему помочь. Я же надвинул на глаза шляпу, чтобы он меня не узнал, и выждал в стороне, пока он не отойдет от толпы. Он что-то отдал прошмыгнувшему рядом с ним парню и стал спокойно отдаляться. В этот момент раздался какой-то шум и крики о том, что обокрали.

После того как воры отошли, я наконец попал к загону с лошадьми и, походив и присмотревшись, выбрал себе неплохого вороного жеребчика-четырёхлетку, с белой звездочкой на лбу. А потом решился и купил спокойную каурую кобылку для Ивасты, никто не поймет, почему у нее нет лошади. Тем более я представлялся бедным дворянином со своей племянницей. Тут же рядом купил седла и пару яблок. Яблоки скормил лошадям, закрепил, так сказать, знакомство, и тут же накинул седла. Воронок, так звали коня, только прядал ушами. Я взял их под уздцы и шагом вывел с рынка. Сегодня почему-то не было слышно заунывных голосов жрецов Урху, читающих свои проповеди, да и жрецов было не видать.

Возле мастерской меня ждала Иваста в костюме южных наемниц, я ее поначалу даже не узнал, так как заказ этого костюма оставался для меня тайной. Облегающие кожаные штаны, такая же кожаная курточка на белую рубашку и мягкая шляпа – все это светло-коричневого цвета. Завершали костюм короткие сапоги. В руках она держала приличный баул, по всей вероятности, с другими вещами.

Мне пришлось спешиться и, погрузив баул на Воронка, идти до постоянного двора пешком.

При этом я обратил внимание, что Иваста боится лошадей, и усмехнулся.

«Ничего, дорогая, – подумал я, – придется привыкать, по-другому в этом мире никак».

На постоялом дворе уже стоял шум, бегали слуги купца, сновала охрана каравана, готовясь отправиться в путь. Я, выяснив, в какой повозке поедет Иваста, положил в нее свой рюкзак и ее баул, а также усадил девушку и пошел купить у хозяина продуктов в дорогу. Наконец, все было готово, и караван из десяти повозок выехал из ворот постоянного двора. На воротах из Робрюка нас

внимательно осмотрела стража города, тут присутствовали и жрецы, которые чуть ли не обнюхивали всех. Тем не менее мы через некоторое время покинули город, и я с облегчением выдохнул.

Чем дальше мы удалялись от города и моря, тем жарче становилось, ветерок уже не обдувал прохладой, а обжигал горячим воздухом. Как давно я не путешествовал в седле, уже забыл, что это такое, да и еще по такой дороге! Когда-то давным-давно так я путешествовал с Алексией, Лартом и котятками таргов. Эх, были же времена, тогда казалось, что все тебе по плечу, а теперь я обременен семьей, положением, да и возраст уже за тридцать.

Обратил внимание, что у кибитки, где едет Иваста, постоянно крутятся охранники, пытаются завести беседу и пофлиртовать. Та же, общаясь с молодыми людьми, изредка поглядывала на меня, как я на это реагирую, не сержусь ли, что она так свободно себя ведет. Молодец, мало говорит, а больше слушает, ну а парни рады хвосты распушить... Вот снова бросила на меня взгляд. Мне же было все равно, пусть развеется, что она в том лесу-то видела. По ее рассказам, даже пару себе подобрать нормальную не могла.

Питались в дороге два раза в день, утром и вечером, днем можно было перекусить прямо в седле, если захватил с собой что-то в дорогу. В основном грызли лепешки и запивали их водой, а уже вечером на привале готовили горячую пищу.

На привалах Иваста спала в повозке, а я – под повозкой, и охранял ее, и присматривал. В моем присутствии парни не сильно к ней приставали. Я все-таки боялся, чтобы она не сказала чего-нибудь лишнего. Скоро мы покинем с ней караван, сославшись, что нам надо немного в сторону, в небольшой городок Лигорн, который стоял чуть в стороне от тракта, по которому мы двигались. И по дороге я начну учить Ивасту верховой езде, так как добираться нам долго. При свидетелях я не стал этого делать, по той причине, что в ее возрасте все умеют передвигаться верхом. Лишний раз объясняться, почему она такая неумеха, не хочу, да и подозрительно все это. А получится ли сесть нам на корабль – неизвестно, может, придется добираться верхом на лошадях.

По разговорам и охранников, и возниц выходило, что богатое раньше королевство обнищало до ужаса. Это в приморских городах этого не заметно, а чуть в глубь королевства – и сразу очень заметно. По дорогам бродят шайки нищих и разбойников, а вот жрецы Урху набивают подвалы своих храмов

золотом и драгоценностями. Почему король допустил все это, никто не знает, ходят разговоры, что подчинили как-то короля жрецы, но точно никто ничего не знает.

Вот и пришел момент расставания с караваном. Я пожал руку купцу, а Иваста помахала рукой своим почитателям – на этом и все. Взяли коней под уздцы и свернули на дорогу, ведущую к Лигорну. Вот тут немного и потренируемся, дождавшись, когда караван скроется. Я помог Ивасте сесть на коня и повел кобылку в поводу.

– Распрямись, не надо горбиться, опирайся на стремяна и расслабься. Поводья держи свободными, лошадь очень смирная, и поэтому она тебя не сбросит и будет тебя во всем слушать. Не горбись, еще раз говорю, спокойно, спокойно, – повторял я.

Вот примерно так мы и двигались. К концу дня она уже более или менее уверенно держалась при движении лошади шагом.

– Я боюсь, – твердила она. – Алекс, она меня не укусит?

– Не нервничай, не укусит, ты только не дергай поводья.

Привал организовали, буквально на несколько метров углубившись в лес, чтобы не было видно с дороги. Развели костер, и я начал готовить похлебку. Вечером я заставил Ивасту скормить обоим коням немного лепешки, посыпанной крупной солью, и две последние морковки. Она, конечно, боялась, но, пересилив себя, все-таки покормила коней и осталась очень собой горда.

Ночь прошла спокойно, никто нас не тревожил, но спали, чутко просыпаясь на фыркание коней, а в остальном все было спокойно. Утром, доев вчерашнюю похлебку, я предложил Ивасте потренироваться рысью. Я, в принципе, решил немного задержаться и научить девушку управлять конем. С первой же попытки Иваста резко натянула поводья, и лошадь встала как вкопанная. Не умея управлять своим телом при движении, девушка кувыркнулась через голову лошади. Ноги из стремян вынуть не успела и повисла, касаясь земли только руками. Ситуация была комичной, но я сдержал себя и не стал смеяться, лошадь тоже стояла спокойно, ожидая, пока горе-наездница примет нормальное положение. Вот с таким успехом и продолжалось наше учение, девчонка,

правда, была упорной и старалась, несмотря ни на что.

Занимались целый день, и к концу стало что-то уже получаться, в спокойной обстановке, думаю, все будет хорошо, ну а в экстремальной все непредсказуемо. Добираться до городка нам еще дня два, и в дороге, думаю, еще подучится. С такими мыслями я отправлялся в путь следующим днем.

Выехали рано, когда только восток окрасился в розовый цвет, на траве лежала роса, и хоть днем солнце жарило, ночью было прохладно. Если только придется добираться на лошадях, то надо будет прикупить еще и заводную лошадь, и на нее грузить продукты и другие необходимые при путешествии вещи. Через несколько километров мы неожиданно наткнулись на пост, дорогу перегородили рогатки, за которыми стояло несколько человек. При этом некоторые были в хламидах жрецов, а несколько человек в доспехах стражников. При этом не было видно ни палаток, ни шатров, даже шалашей и то не было. Значит, пост временный.

Вперед вышел один из жрецов, приподнял руку и властно проговорил:

– А ну слезайте, приехали, проверка, – и через паузу продолжил: – Кто такие и куда едем?

Я спешил и подошел к жрецу, ведя коня в поводу. Тот посмотрел на меня, прищурился.

– Девушка что у тебя, глухая, или я не ясно сказал? Спешиться и предоставить вещи на проверку.

Оглянувшись на Ивасту, я увидел, как она неловко покидает седло.

– Господин монах, я баронет Алекс Зорго, со своей племянницей еду из Рокбрюка в Еменьбург, – назвал я первый город на границе с королевством Каприей, – ко мне домой. Ее родные умерли, вот я и забрал, как-никак родня.

– Арчер, проверь девушку, – не терпящим возражения голосом приказал жрец.

Один из солдат направился к девушке.

– Подорожную давай, – это он говорил уже мне. Подорожной у меня не было, но я был дворянином и имел право путешествовать без нее, а тем более дворяне из приграничных районов вообще, насколько я узнал, не пользовались ими из принципа.

– Видите ли, – возвел я его в дворянское сословие, потому что на вы обращались только к дворянину, – я как-то не озаботился ее взять.

В это время за моей спиной послышался испуганный вскрик Ивасты, а когда я начал поворачиваться, чтобы посмотреть, что там происходит, жрец дернул меня за ухо, поворачивая к себе.

– На меня смотри, еще раз попытаешься повернуться, и я отправлю вас, а может, только тебя, в бараки ожидания.

Эти бараки были чем-то похожи на КПЗ моего прошлого мира. Из них, если ты не докажешь свою правоту, ты мог загреметь или на плаху, или на корабль адептов, везущий их на поклонение к главному алтарю. Тут Иваста закричала и горько зарыдала...

Я хотел разъехаться спокойно, но тут понял, что спокойно разойтись не получится.

Я нагло улыбнулся жрецу и резко ударил его носком сапога в колено. Он в последний момент что-то понял, но среагировать не успел. И когда он от боли инстинктивно наклонился, я от всей души врезал ему в висок, и пока он падал, выхватил меч и бросился на помощь к Ивасте. Два шага – и стражник понять ничего не успел, не говоря уже о том, чтобы вынуть руку, которую запустил под подол девушке, как его голова уже катилась по земле. А потом я кинулся к остальным, которые только начали приходить в себя. Очень сложно из статического положения перейти в ускорение, но мне это сразу удалось...

«Опыт не пропьешь», – усмехаясь, думал я, стремительно двигаясь к остальным. Быстрее всех среагировал один из стражников и попытался ткнуть в меня копьем, но для меня это было слишком медленно. Я спокойно чуть отклонился, пропуская копье мимо себя, и разрубил ему горло. Потом пришел черед еще одного жреца и стражника, меч спокойно прорубил и доспехи стражника, а вот жреца я решил временно оставить живым и только оглушил его.

Огляделся вокруг, но никого нигде не было видно, пустынная дорога... И почему они тут стояли, не понятно... Вот я и решил это выяснить. Неужели это нас уже разыскивают? Похлопав по щекам жреца, чтобы привести его в сознание, я начал допрос.

Тот даже не думал молчать и сам мне все рассказал. Оказалось, эти разбойники, по-другому их не назовешь, охотились на барона Герхарда ли Рока и его несовершеннолетнего сына. У старшего жреца их пятерки, которого я убил первым, были какие-то давние споры с бароном. А тут он узнал, что барон ссудил у своего сюзерена графа Кварка де ла Поунта сто золотых для расширения своего производства вина, – урожай винограда в этом году должен был быть очень хорошим. Вот они два дня ждали их и дождались, трупы рядом в лесочке лежат, там же и кони и их, и барона. Сами они из городка Лигорн, в который мы и направлялись. Да и они не первый раз подобным занимались, понял я из рассказа. Уже собрались уезжать, а тут мы вдруг подоспели. Вот они и решили заодно и нас потрусить. Выслушав жреца, я свернул ему шею и перетащил трупы в лесок, закидав лапником и валежником, которого тут хватало. Присыпав кровь землей, побросал в лес и рогатки, после чего мы поспешили убраться с этого места, предварительно вывернув карманы бандитов. Им деньги уже не понадобятся, а нам пригодятся, улов оказался очень даже приличный, помимо денег барона в карманах жрецов тоже оказалось серебро и даже золото.

Иваста все время ходила за мной как привязанная и изо всех сил пыталась помочь: и трупы помогала таскать, пока я присыпал кровь землей, потом обернулась и, напугав чужих коней в образе волка, загнала их еще дальше в лес.

Глава пятая

К вечеру мы въехали в большое село, на въезде в которое висели три трупа – мужчины, женщины и ребенка лет десяти. По всей вероятности, это была семья. От такой жестокости меня прямо передернуло, вот же твари те, кто это совершил. Ладно, взрослые, может, и заслужили такую участь, но ребенок. Я уже давно в этом мире, но до сих пор не могу понять такое отношение к детям.

В империи, с моей подачи, Алексия приняла закон об ответственности только с пятнадцати лет. Просто взрослеют тут раньше, чем в моем прошлом мире, а до этого возраста ответственность несут родители, опекун или тот, кому поручено присматривать за ребенком. Беспризорников и сирот, если таковые появлялись, отправляли в пансионы, которые создали по всей территории империи. Там ребят обучали грамоте, какой-нибудь профессии, самых способных отправляли учиться дальше, или в военное училище, или на госслужащих. Дело, конечно, не быстрое и требующее вложений, но впоследствии оно себя оправдывает. Каждый окончивший любое такое заведение был обязан либо отслужить, либо отработать на моих или императорских мануфактурах не менее десяти лет. После чего мог или остаться и дальше работать на них, или открыть свое дело, или заняться чем душа пожелает.

Иваста смотрела на все вокруг широко открытыми от удивления глазами. Это понятно, она всю свою жизнь провела в лесу. И только сейчас столкнулась с суровой действительностью этого мира. Им в лесу пусть и объясняли законы и наказание при их нарушении, но одно дело слышать, и совсем другое – видеть. Хорошо, что я перед поездкой предупредил ее, что оборачиваться в звериную ипостась она может только с моего разрешения. Психика у нее пока неокрепшая, и любое событие, выбивающееся из ее представлений, может спровоцировать спонтанное преобразование.

Въехав в село, у первого встречного прохожего спросили, где можно остановиться.

– Так вот же, господин, постоялый двор, и цены там невысокие, – показал он на открытые ворота, на которые я не обратил внимания.

Оказывается, в селе, расположенном у дороги, был даже постоялый двор, в который мы и заселились. К нашему счастью, тут даже были свободные комнаты. Умывшись с дороги и приведя себя в порядок, я спустился в обеденный зал, заказал ужин и принялся ждать свою спутницу. Заказ принимал сам хозяин, такой себе колобок с приятной улыбкой и зелеными глазами. У него я спросил о повешенных, тот, судя по всему, человеком был разговорчивым, вот и принялся шепотом рассказывать мне свою версию произошедшего, при этом постоянно оглядываясь. Но зал был пуст, лишь на кухне служанка гремела посудой.

– Семья эта появилась в нашем селе всего год назад, они выкупили дом на окраине, у Тампа-горшечника, оставшийся от его родителей, и принялись

обживаться. Дамир, так звали отца этого семейства, был неплохим бондарем, да и колеса к повозкам мог ладить. Рамира, его супруга, занималась домом и огородом. Когда квартальный пришел к ним за ежемесячной десятиной храмовникам Урху, то получил отказ, и так было несколько раз. Это в приморских городах такое возможно, если ты поклоняешься старому богу, вернее богине или еще кому, то и не платишь храмовникам. Но мы, вернее все, кто не относится к прибрежным селениям, платим все без исключения. Конечно, квартальный мог и промолчать об этом, но, видно, все-таки в храм он доложил. Вот буквально пару дней назад жрецы и заявили, что уж там произошло, никто не знает. Только, похоже, была там большая драка, слышали соседи крики и шум. Дамир мужик был здоровый, да и горячий, мог не сдержаться, когда кто-нибудь из прибывших повел себя неправильно или нагло. Точно знаю, что двоих жрецов увезли обратно в повозках, раненых или убитых – не скажу. А семью всю и повесили, да и вешали их уже мертвых, даже мальчишку, как бы в назидание другим. Вот такие дела... – вдохнул корчмарь, в это время и Иваста подошла. Хозяин замолчал и поспешил на кухню за заказом.

Вечером в комнате я еще раз предупредил Ивасту, чтобы, прежде чем сказать что-либо, думала, что и кому говорит. Рассказал ей, что узнал у хозяина постоялого двора о повешенных.

Утром следующего дня, прямо спозаранку, в дверь комнаты постучали, и на пороге возник маленький толстый человечек с бегающими глазками. Он быстро осмотрел и нас, и комнату.

– Я местный квартальный, Шам Четер, вы надолго к нам, господа? – спросил он, кланяясь.

– Нет, вот сейчас нам принесут отданную в стирку одежду, и мы отправимся дальше, – ответил я на его вопрос.

– Прошу прощения, просто, по указу его преосвященства, я должен проверять жильцов, а потом докладывать, кто и куда проехал.

– Ну что же, мы не против проверки, я Жак Наполеон, а это моя племянница Жозефина Наполеон, – назвал я первыми, что пришли в голову, именами, – едем в город Лигорн. Надеюсь, вы все выяснили для доклада.

Квартальный поклонился и, уверив меня еще раз, что это требование закона, удалился.

После того как квартальный ушел, служанка принесла выстиранную одежду. Мы, спустившись в зал, позавтракали и, закупив продукты, отправились дальше. Если все будет нормально, то к вечеру мы доберемся до города.

Продукты купил, сам не ожидая, что они нам пригодятся в самое ближайшее время. Выехали поздно, да еще в дороге пришлось несколько раз останавливаться. Чувствуя, что сегодня уже в Лигорн не попадем, я лошадей гнать не стал. Увидев караван из полутора десятков повозок, остановившийся на ночлег, я попросился в компанию и был принят.

Расседлав коней и пустив их пастись, мы быстро развели костер и принялись с Ивастой готовить немудреный ужин. Когда уже заканчивали ужинать, к нам подошел старший охраны каравана. Я пригласил его выпить с нами кружечку отвара, который тут называли шодом. И когда он присел, я расспросил его, почему они не стали ночевать в городе.

– Да спешит купец, некогда ему, корабль и так опоздал, попав в шторм. Кроме того, в городе что-то непонятное происходит, ловят кого-то, всех проверяют, требуют подорожную. Если нет, задерживают и выясняют личность. Так что, узнав об этом, не стали заезжать, мало ли что. А вы куда путь держите, с молодой женой? – поинтересовался он, внимательно нас осматривая.

– Да мы как раз в Лигорн с племянницей и едем, дочь брата это, – кивнул я на Ивасту, та в стороне мыла посуду после ужина. – Брат-то зимой застудился, да и помер, а невестка, жена его, та еще при рождении ее, – я кивнул на девушку, – от горячки померла. А девица, сам видишь, на выданье уже, да и родня как-никак, бросать нельзя, так что забрал ее к себе.

– Да, никто не знает, как судьба сложится, – проговорил охранник и попытался осенить себя священным кругом богини, но тут же опомнился и руку удержал, я же сделал вид, что не видел его движения. И когда он глянул на меня, отвернул голову и посмотрел на Ивасту.

– Ладно, пойду я, спасибо за шод. Меня Тормом зовут, если что – обращайся, – проговорил он и, развернувшись, удалился.

После ухода Торма я некоторое время обдумывал ситуацию и понял, что нам тоже не стоит рваться в город, вполне вероятно, что это нас искали. Ведь и при выезде из Робрюка нас чуть ли не обнюхивали, видать, давно не погибали жрецы, вот и будут шерстить теперь всех. Вот же проклятье, думал я, что-то это путешествие мне начинает не нравиться. А ведь как хорошо начиналось: разгар лета, тепло, неторопливые беседы с молодой симпатичной девушкой, неспешные прогулки верхом. Я даже хихикнул от нарисованной картины... Рядом посапывала Иваста, я поправил плащ, укрывая ее, что же, утро вечера мудренее, подумал засыпая.

* * *

- Ваше преосвященство, пришел магистр ордена рыцарей Урху, - заглянув в дверь кабинета, проговорил секретарь.

- Пусть подождет, я позову его, - ответил очень полный мужчина с глубоко посаженными маленькими глазками желтого цвета, продолжая кормить попугая в клетке. Бросив последние зерна, он отряхнул руки и сел в кресло, стоящее у стола. Когда-то он был простым мелким таможенным чиновником, следящим за прибывающими в порт кораблями и описью товаров. Считали и получали налог другие, а он только мечтал, что когда-нибудь станет таким же и наконец-то сможет избавиться от постоянного чувства голода. Но все повернулось иначе, когда в его дверь постучались несколько человек в одеждах монахов. Пустив их пересидеть ненастье, в тот день дождь лил как из ведра, он вдруг попал под очарование того, что рассказал ему один из этих людей. Почему это произошло, Ванор Кармитор, бывший мелкий чиновник порта, а теперь верховный жрец религии Урху, не мог понять даже сейчас. Он стал первым и очень ревностным адептом новой религии, первым стал помогать строить храм нового бога, жертвуя то небольшое, что у него было. И благодаря этому, стал постепенно продвигаться вверх по карьерной лестнице, и чем выше он поднимался, тем больше появлялось у него возможности сводить счеты с теми, кто в свое время смеялся и издевался над ним. Чем больше становилось последователей Урху, тем значимей становилось положение Ванора. А когда пропал предыдущий верховный жрец, Ванора Кармитора выбрали на его место. Вот тогда Ванор развернулся по-настоящему: он создал боевой орден последователей Урху и дал им большие права. В орден подбирали простолюдинов и мелких дворян, по своей сути лишенных чести и достоинства, у которых на совести было немало неблагоприятных поступков. Ванор понимал, что, вытащив их из грязи и дав

возможность подняться над другими, он навсегда получит их как верноподданных. И они, не задумываясь, выполняют самый гнусный и мерзкий приказ, переступят через многое, если не через все, задавив в себе жалость, остатки благородства и просто совесть.

Вот после создания ордена и началась вакханалия террора, король к тому времени уже плотно сидел на пыльце и верил всему, что ему говорили жрецы. По сути, Ванор стал единоличным правителем королевства. Думал ли он когда-нибудь о таком – конечно же нет, на это его фантазии не хватало, но судьба подбросила его на самый верх, дав возможность распоряжаться судьбами даже аристократов.

А сейчас ему надо было решить вопрос с поиском принца. Король стал совсем недееспособным, и тут открывались огромные возможности для последователей Урху. Вернее, для высших иерархов церкви. Вот и надо бы найти принца... желательно мертвым. Парень никак не поддавался влиянию последователей Урху, что только ни делалось в этом плане. Комнаты, где он проживал, окуривались дымом радужной пыльцы, принц блевал, сказывался больным, но все попытки повлиять на него проваливались, он гнал всех проповедников прочь. У него была ладанка с миниатюрным портретом его матери. Говорили, что ее благословила сама богиня. Когда ладанку попытались похитить, принц поднял такой крик, обвинил в похищении обслугу и приказал допросить и лишить головы нескольких жрецов, которые присматривали за ним. Король, который уже мало что соображал, принца поддержал, и пришлось рубить головы верным людям. При этом еще и опоить их, чтобы они не смогли ничего рассказать о том, кто за всем этим стоит, а ладанку подкинуть под кровать, где ее и нашла прислуга. Но казнь это не отменило, принц настоял, с усмешкой глядя на верховного жреца, а король его во всем поддержал.

На какое-то время от принца отстали, но Ванор затаил на него злость, и рано или поздно он бы избавился от наследника. Но тот умудрился сбежать, прихватив документы о своем происхождении, заверенные большой королевской печатью. И вот уже скоро два месяца, как его никто не может найти, правда кинулись его искать не сразу, а почти через седмицу, что дало ему возможность ему спрятаться надежней, а может, вообще выехать в другое королевство.

Вот сейчас за дверью сидит глава ордена боевых жрецов, рыцарей Урху, преданный и проверенный человек; ему верховный жрец и хотел поручить расширенные поиски принца. А в случае его обнаружения – и лишить жизни, да

так, чтобы подозрение не упало на церковь и жрецов Урху. Пусть новая религия и имела большое влияние в королевстве, но еще не полностью овладела умами жителей. А в случае войны или гражданских выступлений никто не мог дать гарантий, что не подключатся правители соседних государств, с которыми умудрились перессориться.

Ванор позвонил в колокольчик и, когда секретарь заглянул в дверь, велел:

– Пусть магистр зайдет.

Через мгновение в дверь вошел подтянутый мужчина, лет сорока, со шрамом, шедшим через правую бровь и по щеке, что придавало его лицу зверское выражение. Звали его Грен Тормит, четвертый сын мелкого дворянина, которому отец не мог дать ничего, а после смерти родителей братья просто вышвырнули его, ничего не дав, кроме пары медяков да звания шевалье. Вот он в свое время и прибился к организуемому в тот момент ордену, а когда вдруг стал его магистром, свел счеты с братьями и их семьями, вырезав оных подчистую, не пожалев даже детей.

– Присаживайтесь, Грен, – указал верховный жрец на кресло и, когда тот сел, продолжил: – Вы уже искали принца и пока безрезультатно. Думаю, поиски надо расширить и в соседних государствах. У вас есть для этого люди?

– Да, ваше преосвященство, люди есть.

– Это хорошо, но есть один нюанс в поиске принца, он ведь может нам очень сильно помешать в нашей службе Урху, взойдя на трон... Вы не находите?

– Я думаю, что в этом случае его надо нейтрализовать, – проговорил магистр. Он не один год знал верховного и мог говорить открыто.

– Что же, я разделяю ваше мнение, может, нам отправить принца на остров с главным алтарем церкви, пусть он приобщится к благодати? Как вы думаете?

– Хм-м, думаю, вы во всем правы, ваше преосвященство.

– Что же, дополнительную сумму на поиски принца получите у казначея. Я больше не задерживаю вас, дорогой Грен.

Когда за магистром уже закрывалась дверь, Ванор спокойно выдохнул и произнес:

– Да, магистр, возьмите к себе моего Верта. Пора парню принимать участие в жизни ордена...

Вертер был сыном верховного жреца, рожденным вне брака, от местной гулящей девки. Нет, она не зарабатывала продажей тела, просто была такая тупая, что это даже не приходило ей в голову. Но была довольно смазлива, имела великолепное тело и была довольно безотказна. И в свою бытность Ванор, в то время мелкий служащий порта, часто обращался к ее услугам, а Кармина, так звали девицу, надеялась на то, что он возьмет ее замуж, и позволяла ему все. Но Ванор все тянул, и даже когда родился сын, он не спешил делать предложение. Все разрешилось довольно просто: Кармину в один из вечеров зарезал пьяный матрос, что его не устроило, чем она ему не угодила, неизвестно, и мальчишка, которому шел третий год, остался совсем один. В то время Ванор жил еще со своей матерью и, сжалившись, принес мальчишку домой, тем более пацан был на него похож как две капли воды. Так он и прижился, а когда Ванор стал подниматься по карьерной лестнице новой религии, он дал парню, к которому привязался, хорошее образование и считал его своим наследником. А теперь он учил его, объяснял поведение своих помощников и заместителей, посвящал в интриги, которые вились вокруг него. Вот и решил: пусть послужит в ордене, почувствует власть над людьми, закалится душой. Ванор подошел к столу и налил себе в бокал разбавленного вина, отпив глоток, посмотрел в окно.

«Слово сказано, отступать некуда, главное, что он не озвучил пожелание лишить жизни принца, а магистр все понял правильно. Уже не первый раз он получает такие деликатные задания и всегда их аккуратно выполняет», – думал верховный жрец, задумчиво глядя вдаль. А отправить на остров с главным алтарем тоже идея неплохая, верховный не знал конкретно, что там происходит с новыми адептами и паломниками. Сам он там никогда не был, но по рассказам жрецов, которые сопровождали всех желающих посетить главный алтарь, некоторые оставались на острове, словно их что-то не отпускало, у некоторых начиналось помутнение разума, которое не проходило, даже когда они возвращались. Остальные же оставались такими же, как и были. В какое-то время на остров стали отправлять и ярых противников Урху, и приверженцев

старой религии. Эти, только сойдя с корабля, сами отправлялись в пещеру с алтарем, гора была изъедена ходами и переходами, словно сыр, и больше их никто не видел. Что с ними происходило, никто не знает, и куда они девались – тоже. Ему надо обязательно побывать на острове, чтобы стать обладателем всех таинств. Но он постоянно оттягивал посещение острова, опасаясь сам не зная чего.

* * *

Утро было пасмурным, темные облака нависали низко-низко и, казалось, вот-вот упадут на землю, в воздухе пахло дождем. Соседи, с которыми вместе коротали ночь, быстро собрались и отправились в путь. Мы тоже не стали задерживаться, но постарались выехать позже, чтобы купец и его старший охранник каравана не видели, что мы изменили маршрут и двинулись не к городу, а в сторону от него. Пока пришлось двигаться вслед каравану, а на ближайшей развилке уйти в сторону, все дальше удаляясь от моря.

Дождь нас застал в поле. Лес, где мы могли бы укрыться, виднелся вдалеке. Хорошо хоть, дождь начался мелкими редкими каплями, и мы, подгоняя коней, бросились под защиту леса, чтобы не промокнуть насквозь. Мы бы успели, но гнать лошадей в галоп я не рискнул, полагая, что Иваста просто свалится во время скачки, и тогда мы уж точно не успеем спрятаться под деревьями. Ливень застал нас метров за двести от леса, и хлынувшие потоки воды моментально вымочили нас с головы до ног. Небо еще больше потемнело, и создавалось впечатление, что наступил поздний вечер. Пространство вокруг освещалось только сверкающими изредка молниями. Поднялся ураганный ветер, бросая в лицо холодные струи дождя. Наконец мы достигли леса и, спешившись, стали в него углубляться. Здесь уже не так свирепствовал ветер, и пусть и не очень хорошо, но от дождя закрывали деревья. Остановились мы под раскидистой кроной дуба, которая была настолько густая, что земля под дубом оставалась абсолютно сухой. Дождь постепенно стал стихать и, наконец, прекратился совсем. Я с трудом насобирал более или менее сухого валежника и попытался разжечь костер. С трудом, но это мне все-таки удалось, поначалу горел он нехотя, но постепенно разгорелся, и от него потянуло теплом. Я стал стягивать с себя мокрую одежду и развешивать на воткнутые вокруг костра палки. Ивасте тоже предложил сменить мокрую одежду на сухую и отвернулся, пока она переодевалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yarygin_nikolay/vremya-volkov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)